

ЕВГЕНИЙ ДРОБЫШЕВ: «ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ – ОЩУЩЕНИЕ ЧУДА»

текст Алексей Сергушкин
фото Анастасия Бажина

В декабре 2019 года 65-летний юбилей отметит российский театральный режиссёр, основатель и художественный руководитель самарского муниципального театра «Самарская площадь», Заслуженный работник культуры России, лауреат многочисленных государственных и театральных наград Евгений Борисович Дробышев. О его режиссёрских работах написано немало. Поэтому в беседе с нашим героем мы попытались выйти за рамки его профессиональной деятельности и нарисовать портрет человека с интересной судьбой и собственным взглядом на жизнь.

С&Г Евгений Борисович, кем вы мечтали стать в детстве? Вряд ли – театральным режиссёром?

Евгений Дробышев Как сказал Торнтон Уайлдер устами героя пьесы «Наш городок»: «Каждый родившийся младенец – это ещё одна попытка природы создать совершенное человеческое существо». И каждый ребёнок в меру своих сил старается быть героем, самым умным, самым сильным, самым благородным... Как и многие советские мальчишки, я хотел быть лётчиком. О космонавтах узнал только в шестилетнем возрасте, когда полетел Гагарин. Мечтать стать космонавтами стали позднее, а в тот момент они нам казались сверхлюдьми, небожителями.

С&Г Ваш путь к театру, прямо скажем, оказался непростым. Особенно если учесть окончание Куйбышевского авиационного института...

Е.Д. Я хорошо помню, что очень немногие из моих одноклассников чётко представляли, кем они хотят быть. В таких случаях родители брали всё на себя, начинали что-то предлагать, что-то решать.

НАЧАЛО МОИХ ТЕАТРАЛЬНЫХ ОПЫТОВ СВЯЗАНО СО СТЭМОМ (СТУДЕНЧЕСКИМ ТЕАТРОМ ЭСТРАДНЫХ МИНИАТЮР) ПЕРВОГО ФАКУЛЬТЕТА КУАИ

Я лучше всех в школе писал сочинения, и кто-то из знакомых невзначай предложил отдать меня в журналисты. Но мои родители работали в авиационной промышленности, и журналистика им представлялась чем-то несерьёзным, легкомысленным... А вот авиационный институт в те годы котировался безумно, многие из городского руководства были выпускниками КуАИ. И так как я, по большому счёту, не знал, куда хочу, то пошёл по пути родителей. Когда же понял, как это нелегко, было уже поздно – начал учиться, и даже как-то сдал на повышенную стипендию. Во многом меня спасало то, что я был очень востребован на студвесне. Кстати, начало моих театральных опытов связано со СТЭМом (студенческим театром эстрадных миниатюр) первого факультета КуАИ.

С&Г Когда вы почувствовали, что поворот в вашей жизни неизбежен?

Е.Д. Окончив институт, я три года работал по специальности... И в этот же период вечерами ставил спектакли со студентами моего вуза, чтобы понять, что это за профессия – режиссёр. Наконец, я поставил спектакль и показал его людям, которым доверял и мнением которых дорожил. Такая осторожность была связана с боязнью неудачи и разочарования. Было страшно менять профессию и уходить в неизвестность, потому что был риск оказаться неспособным к новому делу. Лишь получив хорошие отзывы на свой спектакль, я поехал поступать в Щукинское театральное училище.

С&Г То есть ваш жизненный поворот выглядел резким только внешне, тогда как на самом деле он был хорошо подготовлен?

Е.Д. Наверное, это так. Хотя судите сами: уволился из конструкторского бюро с очень хорошей зарплатой и перешёл на маленькую зарплату руководителя театра-студии при ДК «Звезда» с неизвестными перспективами. Перешёл со 150 на 80 рублей, имея к тому времени семью с двумя детьми! Насколько к этому можно быть готовым? Справедливости ради надо сказать, что свою роль сыграл уход от той действительности, в которой я существовал. От рутинной работы с жёсткой регламентацией на режимном объекте. Для молодого человека с творческими амбициями это было тяжело.

МОЁ БУНТАРСТВО ОСТАЛОСЬ В ПРОШЛОМ ВЕКЕ. ПЕРЕЖИВ ГОРБАЧЁВСКИЕ, А ЗАТЕМ ЕЛЬЦИНСКИЕ ВРЕМЕНА, Я ПОНЯЛ, ЧТО МЫ В НАШЕЙ СТРАНЕ НАТВОРИЛИ МНОГО ЛИШНЕГО. ВСЁ ЭТО СТАЛО БИТЬ ПО НАМ ЖЕ...

В театральном я учился с 1981 по 1985 годы, и в это время работал в театре-студии, потом в Куйбышевском ТЮЗе ассистентом режиссёра, а после окончания – режиссёром в Сызранском драмтеатре. В 1987 году на волне перестройки и гласности был объявлен театральным экспериментом – можно стало создавать театры снизу, а не решением руководства. Само время пришло мне на помощь! Оно давало творческую свободу и главное – открывало новые возможности. Поэтому сегодня я нередко ловлю себя на мысли, что как бы ни ностальгировал по советскому прошлому, но возвращаться туда не хочу.

С&Г В вашей первой громкой авторской постановке – спектакле «Демонстрация» – явно ощущался бунтарский дух. Сегодня же многие знают вас как государственно мыслящего человека, патриота. Как в вас это сочетается?

Е.Д. Люди меняются. Наверное, моё бунтарство осталось в прошлом веке. Пережив горбачёвские, а затем ельцинские времена, я понял, что мы в нашей стране натворили много лишнего. Всё это стало бить по нам же в виде страшной инфляции, задержек зарплат и пенсий, разрушения государственных институтов, неустроенности на улицах и в быту. Естественно, никто этого не хотел.

Я убеждён, что все, кто сегодня митингует и бузит, не знают точно, чего они хотят. Кроме, конечно, тех, кто делает это за деньги. Все нормальные люди понимают, что устраивать сегодня какой-то бунт просто бессмысленно. Тем более, перед нами живой пример Украины, да и наш собственный опыт не так далёк.

С&Г А как вы понимаете патриотизм?

Е.Д. Когда человека волнует, что происходит в его стране, причём волнует то, что непосредственно не касается его личной, бытовой или профессиональной сфер, и вызывает либо гордость, либо сожаление и желание если не повлиять на ситуацию, то хотя бы выразить свое отношение – это, наверное, и есть проявление патриотизма. Всё-таки я вырос и был воспитан в великой стране, привык гордиться её достижениями. Но в то же время когда я ставлю французскую пьесу, я обожаю Францию, когда ставлю американскую – я настоящий американец. Сейчас готовим «Кавказский меловой круг» Брехта – я уже полунемец-полугрузин. Я убеждён, что глубокий, искренний интерес к другим странам и народам невозможен без любви к своей Родине. Причём Родина – понятие очень ёмкое. Благодаря пьесе «Человек из Подольска» я понимаю, что чувство Родины может быть связано не только со страной или городом, но и двором и домом, где ты родился и вырос.

ГЛУБОКИЙ, ИСКРЕННИЙ ИНТЕРЕС К ДРУГИМ СТРАНАМ И НАРОДАМ НЕВОЗМОЖЕН БЕЗ ЛЮБВИ К СВОЕЙ РОДИНЕ. ПРИЧЁМ РОДИНА – ПОНЯТИЕ ОЧЕНЬ ЁМКОЕ... ЧУВСТВО РОДИНЫ МОЖЕТ БЫТЬ СВЯЗАНО НЕ ТОЛЬКО СО СТРАНОЙ ИЛИ ГОРОДОМ, НО И ДВОРОМ И ДОМОМ, ГДЕ ТЫ РОДИЛСЯ И ВЫРОС

С&Г А вы помните дверь своего подъезда в доме, где родились? Насколько вы внимательны к таким «мелочам»?

Е.Д. Думаю, что внимателен. В Самаре мне нравится замечать разные изменения, даже небольшие, но постоянные. Что где строится, где сносится, где отремонтировано и сияет новыми красками. Из детства помню свой двор, цвет стен моего дома и соседних домов. Двери и полы тогда красили примерно одинаково – такой до боли родной оранжево-коричневой краской.

Очень люблю самарский старый город, причём именно его самую старую часть, за площадью Революции. Когда в своё время я работал в корпусе пединститута у речного вокзала, то старался возвращаться с работы пешком, чтобы впитывать в себя это ощущение самарской старины.

С&Г Вы довольно много путешествуете. Как меняется отношение к своей стране, к своему городу после посещения других?

Е.Д. Чем больше едешь по другим странам, тем больше любишь свою. С годами приходит понимание, что даже если ты живёшь в благополучной стране, в красивом и чистом городе, то это вовсе не значит, что ты счастливый человек. И если у тебя много денег, то это тоже не говорит о счастье. Рецепт счастья очень сложен.

Да, очень приятно, когда город красивый. Я хорошо понимаю питерцев, которые чрезвычайно гордятся своим городом. Лично у меня в Петербурге всегда какое-то ощущение чужака. Ради этого ощущения душевного трепета и подъёма я хотя бы раз в год стараюсь посетить нашу Северную столицу, но только летом, лучше в период белых ночей.

ДАЖЕ ЕСЛИ ТЫ ЖИВЁШЬ В БЛАГОПОЛУЧНОЙ СТРАНЕ, В КРАСИВОМ И ЧИСТОМ ГОРОДЕ, ТО ЭТО ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ТЫ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК. И ЕСЛИ У ТЕБЯ МНОГО ДЕНЕГ, ТО ЭТО ТОЖЕ НЕ ГОВОРИТ О СЧАСТЬЕ. РЕЦЕПТ СЧАСТЬЯ ОЧЕНЬ СЛОЖЕН

С&Г Что вам в вашей работе доставляет самую большую радость?

Е.Д. Когда на репетициях что-то действительно начинает получаться... Я регулярно смотрю свои спектакли. И самая большая радость, когда ты понимаешь, что артисты играют очень хорошо. В это время я забываю, что это мой спектакль, меня увлекает, захватывает происходящее на сцене. А это, наверное, и есть главное предназначение театра нашего типа – втягивать зрителя в действие.

Любопытно, что для успеха спектакля, происходящее на сцене должно интересовать, прежде всего, самих актеров. Если это есть, то спектакль будет интересен и зрителям. В идеале, зритель должен испытывать то же самое ощущение чужака, ощущение глубокой сопричастности, о котором я говорил. Оно на какое-то время отдаляет от всех жизненных неприятностей, невзгод, рутины. Зритель должен выходить из театра абсолютно счастливым человеком.

С&Г Именно поэтому в репертуаре вашего театра много комедий?

Е.Д. Да, наверное. Хотя создавать действительно хорошие комедии – это очень большое искусство, которым овладеть очень непросто. Почему люди так любят Эльдара Рязанова и смотрят его фильмы на протяжении многих десятилетий? В хорошей комедии всегда есть немножко грусти, иронии, самоиронии, в ней должен быть высокий философский смысл и, конечно, любовь. Иначе смех превратится в банальное ржание и зубоскальство.

Тот же спектакль «Роддом» – он, прежде всего, про любовь. Там кругом сплошная любовь. Ребёнок любит свою маму, а потом оказалось, что и папу тоже.

ДРАМАТУРГ ЗАШИФРОВЫВАЕТ СВОЮ ЭМОЦИЮ В ТЕКСТЕ И РЕМАРКАХ, А МЫ ЕЁ ДОЛЖНЫ РАСШИФРОВАТЬ И ВЫРАЗИТЬ НА СЦЕНЕ. МЕНЯТЬ ЖЕ АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ – НЕБЛАГОДАРНАЯ РАБОТА. РЕЖИССЁРУ В ЭТОМ СЛУЧАЕ ОЧЕНЬ РЕДКО УДАЁТСЯ ПЕРЕТЯНУТЬ ЗРИТЕЛЯ НА СВОЮ СТОРОНУ

С&Г За счёт чего вам удаётся удерживать вокруг себя коллектив? Что преобладает в вашем стиле руководства – авторитаризм, партнёрство, дружба или что-то ещё?

Е.Д. В первую очередь, крайне важно своих работников любить. И чтобы они это чувствовали и понимали. Я, конечно, всеми силами стараюсь поддерживать фонд заработной платы на достойном уровне. Показателем благополучия и стабильности является то, что многие из наших артистов взяли ипотеку.

Менять стиль руководства я, наверное, могу, но надолго меня не хватит. Я привык руководить так, как я умею и хочу, чтобы это не напрягало ни меня, ни моих подчинённых. Они знают: если я накричал, то это ЧП, и такое случается нечасто. Для этого человек должен совершить на сцене что-то крайне не приемлемое, что-то совершенно не соответствующее моим установкам. В таких случаях бывает, что называю.

Многие отмечают, что у нас в театре какая-то особая домашняя атмосфера. Да, скорее всего. Если это не вредит делу, то такая атмосфера всех устраивает. Когда человек явно не вписывается в коллектив, я этого не скрываю, и прямо ему говорю, чтобы мы могли расстаться по-хорошему.

Говорят, для вас нет плохих людей?

Е.Д. Не знаю, может быть, мне просто везёт... Если серьёзно, то любой отрицательный герой любого драматического произведения – это тоже человек, которого при желании можно понять. Даже если он предал, то на это были свои причины. Поэтому режиссёр никогда не даёт актеру установку играть абсолютного злодея или негодяя. В свою очередь, в любом положительном персонаже всегда можно найти какой-то изъян, какую-то «больную мозоль». В этом и заключается драматургия характера.

Так же и в жизни: меня окружают очень разные люди, но даже в самых неприятных из них я стараюсь найти человеческие черты.

О чём бы вы хотели сказать в своём послании миру?

Е.Д. В этом смысле режиссёр, наверное, вечно второй человек после автора. Он лишь усиливает и передаёт – плохо или хорошо – авторскую мысль, авторское послание. Если мне, например, понравилось, что сказал Иван Вырыпаев в «Иллюзиях» или Дмитрий Данилов в «Человеке из Подольска», то мне самому захотелось это сказать в своих спектаклях. Сейчас работаю над Брехтом и пытаюсь глубже понять ту концентрированную эмоцию, которую он выразил в своей пьесе «Кавказский меловой круг». Написанная в 1945 году, она имеет по-настоящему эпический размах и обращается к вечной теме материнской любви.

Хороший драматург и хорошая пьеса не нуждаются в соавторстве режиссёра. Конечно, бывают случаи собственных режиссёрских трактовок, каких-то интересных приёмов. Например, любимый мной режиссёр Юрий Бутусов поставил пьесу Тургенева «Месяц в деревне» и назвал спектакль «Все мы прекрасные люди» с Анной Ковальчук в одной из главных ролей. Она так здорово сыграла состояние любовной горячки с какими-то невыносимыми переживаниями. А за пару минут до конца спектакля все вдруг оказываются в костюмах 19-го века, очень сдержанные и благовоспитанные. То есть режиссёр с помощью театральных изобразительных средств показал нам внутреннее состояние героев, не меняя авторского текста.

Скажу так: драматург зашифровывает свою эмоцию в тексте и ремарках, а мы её должны расшифровать и выразить на сцене. Менять же авторский замысел – неблагодарная работа. Режиссёру в этом случае очень редко удаётся перетянуть зрителя на свою сторону. Нам ещё на первом курсе режиссёрского отделения говорили, что спорить с автором не надо, а надо стремиться понять его мысль, проникнуться ею.

Единственный раз мне пришлось по необходимости приложить свою руку к тексту – придумать окончание незаконченной пьесы Алексея Слаповского «Рождение» при постановке спектакля «Роддом».

О чём вы мечтаете?

Е.Д. Я по гороскопу Козерог, а Козероги крепко стоят на земле, и мечтать им не свойственно, по крайней мере, о несбыточном. Каких-то переломных событий в моем возрасте уже не хочется – крутых поворотов в жизни мне

хватило. Наверное, сегодня моя самая большая мечта – чтобы как можно дольше сохранялись ощущение ясного ума, здоровья, желания что-то искать. Это я отношу не только к себе, но и к актёрам, работающим со мной. Все мы не молодеем, поэтому так радуется каждый удавшийся спектакль, каждая интересная постановка.

Новой удивительной страницей нашей жизни стало участие театра «Самарская площадь» в организации и проведении первого областного парафестиваля «Театр – территория равных возможностей». Мы на практике прикоснулись к очень мощному общемировому тренду по социализации людей с ограниченными возможностями здоровья.

Однажды приехав помочь новокуйбышевскому экспериментальному театру «Астрей», мы с моей супругой и директором театра «Самарская площадь» Натальей Юрьевной Носовой были глубоко

СЕГОДНЯ МОЯ САМАЯ БОЛЬШАЯ МЕЧТА – ЧТОБЫ КАК МОЖНО ДОЛЬШЕ СОХРАНЯЛИСЬ ОЩУЩЕНИЕ ЯСНОГО УМА, ЗДОРОВЬЯ, ЖЕЛАНИЯ ЧТО-ТО ИСКАТЬ. ЭТО Я ОТНОШУ НЕ ТОЛЬКО К СЕБЕ, НО И К АКТЁРАМ, РАБОТАЮЩИМ СО МНОЙ

ко поражены тем, что они делают. Я открыл для себя новый, доселе неведомый мне мир. Рад, что мы вошли в этот проект, потому что для нас это огромный духовный опыт, опыт общения с этими особенными людьми, стремящимися к творчеству, с их родителями и теми, от кого они зависят в повседневной жизни. Сколько необходимо сил, физических и душевных, чтобы не просто выживать, но ещё и стремиться к чему-то!

Нас очень вдохновляет то, что это благородное начинание получило общественный резонанс и поддержку Правительства Самарской области, лично губернатора Дмитрия Игоревича Азарова, и парафестиваль решено сделать постоянным. Для его участников приобщение к миру театра значит гораздо больше, чем для обычных людей.